

А.А. ЗЫКОВ

ИМПЕРСКИЕ ЧЕРТЫ СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ

Смерть северокорейского лидера Ким Чен Ира в конце 2011 г. поставила перед новым руководством Корейской Народной Демократической Республики первостепенные задачи сохранения политического режима и развития национально-государственного строительства в жестких условиях внутреннего социально-экономического кризиса и давления международной среды. Ушедший лидер эти непростые задачи решал с помощью тотальной мобилизации народных масс и организации системы беспрекословного подчинения каждого члена общества. Отдельные российские исследователи и публицисты отметили сходство такого политического режима КНДР с имперским способом организации власти [Млечин, 2007; Млечин, 2013; Рыбин, 2011; Стариков, 2013]. В этой статье мы рассмотрим, каковы эвристические возможности концепта «империя» применительно к описанию особенностей современной северокорейской организации власти.

В целом в России термин «империя» применительно к современной Северной Корее употребляется только в публицистике. В научном дискурсе используются иные описательные метафоры. Старшему поколению хорошо известны работы академика Г.Ф. Кима, являющиеся ярким примером классового подхода исследования политико-экономического развития Кореи [Ким, 1960; Ким, 1977]. Этот подход наиболее соотносится (но далеко не во всем) с официальным взглядом КНДР на собственный политический процесс, опирающийся в базовых моментах на универсаль-

ную идею социализма. Современные авторы чаще выделяют традиционные основы, присущие конфуцианскому обществу в политической системе КНДР [Денисов, 2006; Жебин, 2006; Курбанов, 2009; Толстокулаков, 2007; Ланьков, 2005]. Признавая достоинства исследовательских позиций уважаемых ученых, нельзя не отметить акцентирование внимания на уникальности исследуемого «образца», преобразующего исходную концептуальную модель согласно культурным особенностям исследуемого общества. В то же время корейская политическая организация, вбирая в себя базовые признаки мессианского проекта социализма и конфуцианские традиции корейского общества, по нашему мнению, обладает некоторыми чертами имперской организации власти.

В начале 1990-х годов¹ пало или реформировалось большинство социалистических режимов. С этого времени повысилась «ответственность» КНДР за судьбу мирового социализма, в глазах своих граждан она стала воплощением этого глобального мессианского проекта. Крах мировой социалистической системы и глубочайший экономический кризис внутри страны изменили социально-политическую структуру КНДР, которую сегодня нельзя считать сталинистской страной. В результате перехода основных торговых партнеров КНДР (СССР / России и Китая) на расчет в свободно конвертируемой валюте резко ухудшилось состояние и так не самой развитой экономики советского блока, по сути, страна оказалась в изоляции. Правящая партия была вынуждена официально признать на 21-м Пленуме ЦК ТПК 6-го созыва в декабре 1993 г. невыполнение 3-го 7-летнего плана экономического и социального развития на 1987–1993 гг., т.е. тотальная система контроля информации больше не могла скрывать тяжелейшее социально-экономическое положение страны. Ситуация нагнеталась с каждым годом: в 1993–1996 гг. произошло обострение ядерного кризиса на Корейском полуострове; 8 июля 1994 г. – смерть бесменного руководителя КНДР Ким Ир Сена; в 1995–1996 гг. – стихийные бедствия, приведшие к парализации работы большей части экономики и острейшему продовольственному кризису; в с 1996–1999 гг. – массовый голод.

¹ Концепт «империя» в более ранний период имел скорее негативные коннотации в силу социально-экономической отсталости страны и колониальной зависимости Кореи от Японии.

Эксперты по-разному оценивают последствия кризиса для общественно-политического устройства КНДР. Так, Л.В. Забровская считает, что изменение ритма и качества жизни трудящихся – это результат осознанного проведения осторожных экономических реформ в рамках социалистической системы хозяйствования. В июле 2002 г. правительство КНДР приняло Постановление о новом пути экономического развития республики, в котором предусматривались меры по децентрализации плановой экономики, отмена системы распределения продовольствия и промтоваров, повышение заработных плат, разрешены «крестьянские базары» [Забровская, 2006, с. 20].

А.Н. Ланьков, напротив, считает, что система тотального контроля, лишившись былого уровня финансирования, стала разваливаться снизу, началась гигантская коррупция. Произошло стихийное низовое разгосударствление экономики, существенно ослаб реальный политический контроль и появились первые признаки стихийной низовой деколлективизации сельского хозяйства частным методом, за счет взяток, подкупа чиновничества [Ланьков, 2007].

И.А. Толстокулаков предположил, что вектор развития Северной Кореи был направлен на создание переходного общества с многоукладной экономикой и особой ролью вооруженных сил [Толстокулаков, 2007, с. 199]. Случившиеся преобразования он оценил как попытку создать северокорейское подобие южнокорейских чеболь (финансово-промышленных групп) на основе приватизации государственной собственности и при решающей роли армейской элиты.

Страна подверглась большим испытаниям, проверившим на прочность граждан и систему государственного управления. Всем пришлось искать пути выживания, но итоги очевидны: население выжило, гражданской войны не случилось, власть устояла. Попытки форсирования преобразований могли вывести ситуацию из-под контроля и поставить под угрозу будущее элиты северокорейского общества. Послабления коснулись, главным образом, хозяйственного и в определенной степени бытового уровня. Политический режим претерпел изменения. Он уже больше не может однозначно ассоциироваться со сталинским, хотя, безусловно, некоторые характерные черты остались.

Сохранение социалистической идеологии говорит о ее укорененности в национальном сознании. Чучхе изначально существенно отличалась от классического учения Маркса и Ленина и «реального социализма». В Конституции КНДР 1972 г. чучхейская идеология определялась как «творческое применение марксизма к условиям страны», а одна из основных доктрин гласит: в качестве субъекта истории и общественного развития выступает нация (а не класс). Провозглашение Кореи особой страной (а корейцев – особой нацией) сопровождалось выдвижением на центральное место в чучхе таких идеологем, как «самостоятельность», «национальная независимость» и «самостоятельная экономика» [Чуприн, 2012, с. 17].

Таким образом, произошло наложение на марксистско-ленинскую теорию некоторых черт традиционного общества, основанного на политической культуре конфуцианского типа с ее тяготением к патронимии, иерархичности, корпоративности.

Укрепление неограниченной власти очередного северо-корейского лидера Ким Чен Ира пошло, на наш взгляд, по пути возвышения древнеримского императора, через повышение общественно-политической роли армии. В систему идеологических установок чучхе была внедрена неклассовая доктрина сонгун, провозгласившая обеспечение «особого единения армии и народа» и отстаивающая особый «приоритет армии» в современных условиях. В эпоху Ким Чен Ира официальная идеология, описывая какие бы то ни было важные события из жизни КНДР, вела речь о «единодушном решении армии и народа», редко при этом упоминается роль партии [Аптеева, 2007, с. 114]. С принятием Конституции КНДР 1998 г. орган военного характера – Государственный комитет обороны (ГКО) был наделен чрезвычайно широким спектром полномочий, возвысившим его над другими государственными структурами, т.е. в его подчинении оказалась вся законодательная и исполнительная власть. Помимо фактического отказа от созыва высших партийных форумов, самым очевидным свидетельством данного процесса стал переход высших управленческих полномочий в сфере экономики на всех уровнях от административно-хозяйственных органов ТПК к армейским службам [Панкина, 2010, с. 78].

Еще большее сходство с имперским типом организации власти северо-корейскому режиму дает, по нашему мнению, сохранение и развитие в рамках официальной доктрины многих черт кон-

фуцианской традиции. Так, возрождение особого отношения к легендарному герою Тангуну в КНДР шло параллельно с насаждением культа усопшего основателя социалистической Кореи – Ким Ир Сена. По большому счету, это означает официальное признание традиционного культа предков. Тезис о «вечной жизни великого вождя» активно насаждается с момента кончины Ким Ир Сена в июле 1994 г., три года страна не имела иного официального руководителя, в 1998 г. согласно тексту новой Конституции он был объявлен «вечным президентом КНДР», а бывшая пхеньянская резиденция Ким Ир Сена превращена в мавзолей. Личность Ким Ир Сена стала явлением сакрального характера, освятившим деятельность своего сына на посту Великого руководителя корейского народа. Великий Вождь Ким Ир Сен и Великий руководитель Ким Чен Ир воспринимаются обществом как легендарные герои, потомки и продолжатели дела основателя первого корейского государства Тангуна.

Преемственность власти является важной проблемой в современной КНДР, с начала карьеры Великого руководителя Ким Чен Ира она стояла в первом ряду политических задач. Социально-экономическая катастрофа конца 1990-х годов и военно-политический кризис (в связи с развитием ядерной программы) начала 2000-х отсрочили решение вопроса. Крайним сроком определения наследника оказался 2008 г., когда Ким Чен Ир перенес инсульт. Прогрессирующее ухудшение здоровья Великого руководителя подорвало стабильность политического режима. Если предыдущая передача власти прошла в несколько этапов и длилась в течение приблизительно 20 лет¹, то новый избранник получил высокий статус, не достигнув 30-летнего возраста и не имея лимита времени набраться партийного, хозяйственного и административного опыта в структурах властного аппарата². Официальное назначение преемника состоялось в сентябре 2010 г. на Третьей конфе-

¹ С 1970-х годов Ким Чен Ир под надзором отца участвовал в повседневном руководстве страной. И только 24 декабря 1991 г. на 19-м Пленуме ЦК ТПК 6-го созыва получил первый высший государственный пост – Верховного главнокомандующего Корейской народной армии (КНА).

² Ким Чен Ын не обладает достаточным опытом государственного управления и партийной работы, так как только летом 2009 г. был назначен главой службы безопасности своего отца, а также стал инспектором Государственного комитета обороны [Зыков А.А., 2012 а, с. 20].

ренции Трудовой партии Кореи¹. В контексте конфуцианской культуры, где возраст обеспечивает уважение, поддержка старших родственников, в первую очередь сестры Ким Чен Ира – Ким Ген Хи и ее мужа Чан Сон Тхэк, придают авторитетности молодому руководителю. При этом некоторые эксперты выражают опасения, что молодому преемнику придется следовать в фарватере той политики, которую для него будут разрабатывать могущественные старые сановники. Уже на третий день после смерти Ким Чен Ира информационные агентства, опираясь на компетентные и разведывательные источники, поспешили подтвердить вышеуказанное предположение: «Ким Чен Ын не смог удержать власть в своих руках, пришлось поделиться полномочиями со своим дядей и военными» [Гриценко, 2011b].

По нашему мнению, опасения потери власти Ким Чен Ыном преувеличены. Согласно воспоминаниям К.Б. Пуликовского, в свое время Ким Чен Ир говорил, что все министры, руководители аппарата достались ему по наследству от отца. Это не мешало ему вести свою политику и принимать самостоятельные решения. На первом этапе становления власти нового поколения руководства элементы коллективного управления стабилизируют переходный период.

Отдельные эксперты утверждают, что «преемник подготовлен и образован» [Гриценко, 2011a], под этим можно подразумевать, в первую очередь, знание природы властных отношений в КНДР и методов их реализации. Согласно сведениям японского информационного агентства «Kyodo», лидер КНДР Ким Чен Ын с начала 2011 г. с санкции своего предшественника Ким Чен Ира методично устанавливал личный контроль над спецслужбами. В частности, были проведены чистки высшего командного состава страны [Ким Чен Ын, 2011]. В январе 2012 г. новый лидер Северной Кореи осуществил так называемую инспекцию управления охраны государственной безопасности. Далее в феврале – марте 2012 г. настал черед Министерства народной безопасности, в котором были смещены более 30 руководителей высшего звена. Был уволен и сам министр народной безопасности – Чу Сан Сон. Кад-

¹ Последний раз партконференция собиралась в 1966 г. (на ней была принята линия на параллельное ведение хозяйственного и оборонного строительства в соответствии с требованиями действительности, что подчеркивает экстраординарный характер этого явления) [Зыков А.А., 2012 б, с. 15].

ровая ротация не является чем-то уникальным. В демократических странах она имеет системный характер, в условиях диктатуры активизируется в переходный период смены правителя.

Помимо высокого авторитета легендарных предшественников, Ким Чен Ын использует такой механизм легитимации власти и укрепления своих политических позиций, как демонстрация военных достижений (испытание ядерных устройств, средств их доставки). Например, запуск баллистической ракеты «Ынха-3» со спутником связи «Кванменсон-3» 13 апреля 2012 г. был приурочен к 100-летию со дня рождения первого руководителя страны Ким Ир Сена (которое отмечается 15 апреля). Так демонстрировалась мощь нового правителя КНДР Ким Чен Ына, 15 апреля официально избранного на высшие в КНДР посты первого генерального секретаря ЦК Трудовой партии Кореи и первого председателя Государственного комитета обороны [Чернов, 2012]. По сути, этой же цели послужило конституционное провозглашение КНДР «ядерной державой», соответствующая поправка в основной закон была внесена на апрельской сессии Верховного народного собрания КНДР 2012 г.

Таким образом, с учетом тенденций формирования и воспроизводства имперских элементов организации власти северо-корейскому режиму в ближайшее время не грозит коллапс, сохранение общих схем легитимации власти нового лидера свидетельствует об эффективности действующего механизма политического контроля. При этом следует учесть, что КНДР, конечно же, не является империей в полном смысле слова. Поэтому характерные для империи проблемы (исчерпание мобилизационных ресурсов, стремление управленческих слоев к закреплению социально-экономических благ за собой и большей автономии и др.), ведущие к распаду данного типа организации власти, КНДР не угрожают, пока есть необходимый минимум восполнения жизненных сил и осознания зависимости социального положения от существующего режима.

Литература

Антеева О.В. Сонгун – политика военного социализма // Корея: взгляд из России: Доклады XI конф. корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2007 г. – М.: ИДВ РАН, 2007. – С. 113–121.

- Асмолов К.В.* Корейский полуостров: анализ реальности угроз и перспективы развития ситуации // Проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии / сост. Д.В. Гордиенко. – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 200–222.
- Гриценко О.* Пришлось подвинуться // Взгляд. – 2011 а. – Декабрь, 21. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2011/12/21/548636.html> (Дата посещения: 12.05.2013.)
- Гриценко О.* От умственного перенапряжения // Взгляд. – 2011 б. – Декабрь, 19. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2011/12/19/547940.html> (Дата посещения: 12.05.2013.)
- Денисов В.И.* Политические системы государств Корейского полуострова // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Восток–Запад, 2006. – С. 571–598.
- Жебин А.З.* Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. – М.: Русская панорама, 2006. – 216 с.
- Забровская Л.В.* Корейская Народно-Демократическая Республика в эпоху глобализации: от затворничества к открытости. – Владивосток: Изд-во ТЦСР, 2006. – 168 с.
- Зыков А.А.* КНДР в условиях смены политического руководства // Ойкумена. – Находка, 2012 а. – № 1. – С. 17–26.
- Зыков А.А.* На рубеже нового этапа политической жизни КНДР // Вестник Челябинского государственного ун-та. Сер.: Политические науки. Востоковедение. – Челябинск, 2012 б. – Вып. 13. – С. 12–18.
- Пуликовский К.* Бронепоезд Ким Чен Ира – это неудачная шутка нашей прессы // Известия. – 2011. – Декабрь, 19. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/510135>. (Дата посещения: 12.05.2013.)
- Ким Г.Ф.* Рабочий класс новой Кореи. – М.: Наука, 1960. – 111 с.
- Ким Г.Ф., Шабишина Ф.И.* Союз рабочего класса с крестьянством и опыт социалистических стран Азии. – М.: Наука, 1977. – 307 с.
- Ким Чен Ын* установил жесткий контроль над спецслужбами // Российская газета. – М., 2011. – Декабрь, 23. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/12/23/kin-chen-yn-anons.html> (Дата посещения: 12.05.2013.)
- КНДР «конституционно» провозгласила себя ядерной державой // Иформ. агентство PrimaMedia. – 2012. – Май, 30. – Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/asia/30.05.2012/208514/kndr-quot-konstitutsionno-quot-provozglasila-sebya-yadernoy-derzhavoy.html> (Дата посещения: 12.05.2013.)*
- Курбанов С.О.* История Кореи: с древности до начала XXI века. – СПб.: СПбГУ, 2009. – 680 с.
- Ланьков А.Н.* КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. – М.: Восток–Запад, 2005. – 445 с.
- Ланьков А.Н.* Естественная смерть северокаорейского сталинизма // Полит. Ру. – 2007. – Февраль, 22. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/02/22/lankov/> (Дата посещения: 12.05.2013.)
- Млечин Л.М.* Красный император // Мои друзья – диктаторы. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – С. 479–587.

- Млечин Л.М.* Красная монархия. Династия Кимов в Северной Корее. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 304 с.
- Панкина Ю.И.* Политика приоритета армии в КНДР: экономический аспект // Проблемы Дальнего Востока. – М., 2010. – № 1. – С. 73–84.
- Рыбин А.* «Красное» семейство Северной Кореи непоколебимо // Бизнес & политика: Инф. ресурс Таджикистана. – 2011. – Декабрь, 29. – Режим доступа: <http://gazeta-bip.net/politics/3586-qkrasnoeq-semejstvo-korei-nepokolebimo> (Дата посещения: 29.12.2011.)
- Стариков Н.* Зачем Северной Корее ядерное оружие. – Режим доступа: <http://nstarikov.ru/blog/1063> (Дата обращения: 20.05.2013.)
- Толстокулаков И.А.* История общественно-политической мысли Кореи. – Владивосток: ДВГУ, 2007. – 368 с.
- Чернов И.* Читал по бумажке // Взгляд. – 2012. – Апрель, 15. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2012/4/15/574534.html> (Дата обращения: 20.05.2013.)
- Чуприн К.В.* Последняя крепость Сталина. Военные секреты Северной Кореи. – М.: Центрполиграф, 2012. – 443 с.